V ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья
УДК 343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10901

Виктимологическое измерение криминальной смертности в Российской Федерации: анализ статистических показателей 2015–2020 гг.

Павел Александрович Кабанов
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), Казань, Россия
kabanovp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Аннотация. В статье исследуется состояние и тенденции криминальной смертности в России в период с 2015 по 2020 годы с использованием материалов официальной ведомственной статистики МВД России. Описывается структура криминальной смертности по уголовно-правовому критерию путем деления её на два крупных вида: преступлений против жизни и здоровья и преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, определяющих состояние криминальной виктимности в стране. Отмечается общая тенденция снижения криминальной смертности в Российской Федерации в указанный период, невзирая на рост преступности, виктимности и общей смертности. Эта тенденция затрагивает и наиболее социально уязвимые слои населения — женщин и несовершеннолетних, снижая негативные последствия российской преступности.

Ключевые слова: виктимология, жертва, криминальная виктимность, криминальная смертность, женская криминальная смертность, детская криминальная смертность
Для цитирования: Кабанов П. А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в Российской Федерации: анализ статистических показателей 2015–2020 гг. // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 7–19. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10901

© П. А. Кабанов

Scientific article

The Victimological Dimension of Criminal Deaths in the Russian Federation: An Analysis of Statistical Indicators 2015-2020

Pavel A. Kabanov
V. G. Timiryazov Kazan Innovative University (IEUP), Kazan, Russia
kabanovp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Abstract. The article examines the state and trends of criminal mortality in Russia in the period from 2015 to 2020, using the materials of the official departmental statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It describes the structure of criminal mortality according to the criminal law criteria by dividing it into two major types: crimes against life and health and crimes against traffic safety and operation of transport, which determine the state of criminal victimization in the country. There is a general downward trend in the criminal mortality in the Russian Federation during this period, despite the growth of crime, victimization and overall mortality. This trend also affects the most socially vulnerable segments of the population — women and minors, reducing the negative consequences of Russian crime.
Keywords: victimology, victim, criminal victimhood, criminal mortality, female criminal mortality, child criminal mortality
For citation: Kabanov P. A. The Victimological Dimension of Criminal Deaths in the Russian Federation: An Analysis of Statistical Indicators 2015-2020. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 7-19. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10901 (In Russ.)

Введение

Преступность — сложное и трудно измеряемое социальное явление. Среди специалистов вопросы её измерения длительное время остаются дискуссионными. Хотя исследования, посвященные измерению реального состояния преступности в России, уже длительное время проводятся, а их результаты публикуются [1; 2; 3, с. 178–195; 4, с. 33–35; 5, с. 170–181]. Уполномоченными на то органами власти разрабатываются и устанавливаются количественные и качественные показатели преступности, совершенствуется система учета преступлений, формируются статистические базы данных, способные более точно учитывать специфику преступного поведения в обществе, которые и далее нуждаются в совершенствовании [6, с. 67–79]. В числе значимых статистических данных, отражающих состояние преступности и её негативных последствий, выступает ведомственная криминальная виктимологическая статистика, формируемая правоохранительными органами, в том числе МВД России. Исследования негативных последствий в виде криминальной смертности проводились отечественными и зарубежными специалистами при оценке общей смертности в Российской Федерации, где криминальная смертность отмечалась лишь как один из видов смертности вне специального анализа проблемы [7, с. 383–388; 8, с. 239–261; 9, с. 312–317]. Отдельные зарубежные социологи также обращались к проблеме криминальной смертности, связывая её с другими социальными явлениями, например, мобильностью населения [10, с. 162–171].

Криминальная смертность как самостоятельный показатель невосполнимых потерь от преступности, невзирая на его важность и значимость в установлении «цены преступности» в современной криминологии, исследуется недостаточно. Имеются лишь небольшие по объему научные публикации, в которых отражаются отдельные аспекты этого социального феномена [11, с. 53–59; 12, с. 15–22; 13, с. 62–63; 14, с. 26–30], иногда обусловленные новыми

условиями жизни [15, с. 123–128]. При этом специалистами криминальная смертность исследуется, как правило, на основе официальной демографической и/или медицинской статистики [16, с. 2; 17, с. 14–23; 18, с. 31–38; 19; 20, с. 128–134], без привлечения данных ведомственной криминальной виктимологической статистики МВД России и/или Следственного комитета Российской Федерации. На наш взгляд, этот вид статистики относительно полно отражает реальные негативные последствия преступного поведения. Преимуществом ведомственной криминальной виктимологической статистки МВД России является то, что она позволяет более точно отражать не только общую криминальную смертность, но и видовую составляющую применительно к конкретным нормам российского уголовного законодательства (главам и статьям УК РФ). Это позволяет дополнительно классифицировать криминальную смертность по различным основаниям. Среди этих оснований выделяют:

— социально-демографические признаки жертвы: пол, возраст, социальный статус, состояние здоровья и т. д.,

— подвиды криминального насилия, применяемые к жертве: убийства, неосторожное причинение вреда здоровью, доведение до самоубийства, дорожно-транспортные происшествия и т. д.;

— сфера проявления криминальной смертности: в процессе прохождения военной и/или государственной службы, осуществления экономической деятельности и т. д. Как показывают проведенные нами предыдущие виктимолого-статистические исследования криминальной смертности в России [21, с. 48–53; 22] и её отдельных регионах [23, с. 108–126], они являются востребованными при оценке реального состояния российской преступности и её негативных последствий для современного российского государства и общества [24, с. 113–116; 25, с. 30–33]. Наши исследования были проведены в период с 2009 по 2014 годы, и эти начинания другие специалисты своими исследованиями не поддержали. Поэтому мы и решили провести данное исследование как тематическое продолжение предшествующих изысканий. В связи с этим представленное исследование обладает не только научной новизной, но и последовательностью. К тому же исследуемый нами период отличается разной направленностью тенденций преступности в Российской Федерации. Если в период с 2015 по 2018 годы динамично происходило ежегодное снижение преступности, то в 2019 (+1,6 %) [26, с. 3] и 2020 (+1,0 %) [27, с. 3] годах отмечены тенденции к росту зарегистрированных преступлений и закономерному росту количества учтенных потерпевших от преступлений. Более того, по данным Роскомстата, в 2020 году, на фоне продолжительного снижения резко возросла общая смертность в Российской Федерации, на 18,14 %. В связи с этим становится очевидным вопрос: как повлияло увеличение показателя учтённых преступлений, потерпевших и общий смертности в Российской Федерации на показатели криминальной смертности.

Объект исследования — общественные отношения, связанные с криминальной смертностью и её отдельными разновидностями (женской и детской криминальной смертностью).

Предмет исследования — тенденции криминальной смертности в Российской Федерации, специфика изменения её отдельных видов.

Цель исследования — виктимологическая оценка (виктимологический мониторинг) состояния и тенденций криминальной смертности в Российской Федерации за период 2015–2020 годов на основе ведомственной криминальной виктимологической статистики МВД России.

В качестве основных задач проведенного нами исследования выступили:

а) выявление основных тенденций криминальной смертности в Российской Федерации на основе базовых показателей (состояние, структура и динамика);

б) установление состояния криминальной смертности в Российской Федерации отдельных категорий потерпевших с повышенной уязвимостью или криминальной виктимностью — женщин и несовершеннолетних.

В качестве основных методов познания криминальной смертности в исследуемый

период в Российской Федерации мы использовали общепринятые в отечественной криминологии статистические методы: сводку, группировку и статистический анализ [28, с. 148–376]. Это позволило нам подготовить сводные таблицы с количественными показателями криминальной смертности в России в исследуемый период, проанализировать полученные статистические данные и интерпретировать полученные результаты.

Эмпирическая база исследования — статистические данные, отражающие статистический учет потерпевших от преступлений, предоставленные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России», статистические данные Росстата, размещенные на официальном сайте в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Территориальные и хронологические рамки исследования. Территориальные рамки исследования включают в себя территорию Российской Федерации, включая вошедшие в её состав в 2014 году город федерального значения Севастополь и Республику Крым. Хронологические рамки исследования затрагивают лишь период с 2015 по 2020 годы, хотя в отдельных случаях для достижения целей исследования и отражения тенденций будут использоваться и статистические данные (показатели) прошлых периодов.

Основные терминологические единицы криминологической виктимологии, используемые в работе

Криминальная виктимологическая статистика — совокупность официально собираемых уполномоченными на то государственными органами, обрабатываемых и хранящихся сведений о жертвах преступлений, а также направление юридической статистики, изучающее количественную сторону негативных последствий преступности в целях выявления её тенденций и закономерностей.

Криминальная смертность — статистический показатель, отражающий количество физических лиц, погибших от совершения преступлений, независимо от вида преступлений и формы вины лиц, их совершивших.

Женская криминальная смертность — статистический показатель, отражающий количество женщин, погибших от совершения преступлений.

Детская криминальная смертность — статистический показатель, отражающий количество лиц несовершеннолетнего возраста, погибших от совершения преступлений.

Состояние криминальной смертности — количественный признак последствий преступности, который представляет собой количество лиц, погибших от совершения преступлений за определенный период времени и на определенной территории.

Структура криминальной смертности — представляет собой качественную характеристику криминальной смертности, то есть указывает на то, из каких видов жертв преступлений она состоит.

Динамика криминальной смертности — показатель, отражающий изменение состояния, уровня и структуры криминальной смертности в течение определенного периода времени.

Процесс и результаты проведенного исследования

Смертность, в том числе и криминальная, является объектом исследования специалистов различных отраслей знания: медиков, демографов, социологов, психологов, философов и др. Но для них она является одной из разновидностей общей смертности, вызванной внешней причиной её наступления. При этом показатели смертности, в том числе и криминальной, находят своё отражение в официальной демографической либо медицинской статистике без указания на виды криминальной смертности. Даже в криминальной статистике состояния преступности, формируемой правоохранительными органами Российской Федерации, этому показателю уделяется немного места — указывается лишь общее количество погибших от преступлений за отчетный период, что не подчеркивает значение этого показателя в «цене преступности».

Проведенное нами исследование показало, что общее количество учтенных и отраженных в виктимологической статистике Российской Федерации криминальных

смертей за 2015–2020 гг. составило 162 396 единиц. Удельный вес криминальной смертности составил 1,86 от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц. Показатель криминальной смертности в исследуемый период снизился по сравнению с предшествующим шестилетним периодом 2009–2014 гг. на 23 973 погибших от преступлений, или на 12,86 %. При этом в структуре учётных потерпевших от преступлений физических лиц в 2009–2014 гг. и в исследуемый нами период удельный вес криминальной смертности мало изменился. В предыдущий исследуемый период он составлял 1,83, или на 0,03 меньше, то есть в пределах арифметической погрешности.

По данным Роскомстата, в общей структуре смертности в Российской Федерации (а в исследуемый нами период она составила 11 377 377 человек[1]) удельный вес криминальной смертности составил 1,43. Минимальным стал показатель 2020 года, когда криминальная смертность составила 1,07 от общего количества зарегистрированных смертей.

В динамике показатель криминальной смертности в Российской Федерации в исследуемый период выглядит следующим образом: в 2015 г. было зарегистрировано и учтено 32 352 криминальных смертей потерпевших, в 2016 г. — 29 933, в 2017 г. — 27 330, в 2018 г. — 25 978, в 2019 г. — 24 030, в 2020 г. — 22 783. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в абсолютных показателях ежегодная криминальная смертность с 2015 г. по сравнению с показателями 2020 г. снизилась на 9569 единиц или на 29,6 %. При этом ежегодно отчетливо просматривалась тенденция к снижению этого показателя в абсолютных данных к базовому показателю 2015 г. Эта же тенденция отражается и процентном выражении: 2016 г. — 7,5 %; 2017 г. — 8,7 %; 2018 г. — 4,9 %; 2019 г. — 7,5 %; 2020 г. — 5,2 %. Следовательно, увеличение количества учтенных и зарегистрированных преступлений и их жертв в 2019 и 2020 годах, а также всплеск общий смертности в Российской Федерации в 2020 году не повлияли на тенденцию снижения криминальной смертности в России в исследуемый период.

Структура криминальной смертности в Российской Федерации достаточно полно отражена в статистической базе. Она распределена по главам Уголовного кодекса России и отдельно по некоторым видам преступлений и даже отдельным составам преступлений. Наибольшее количество смертей потерпевших приносят две группы преступлений: против жизни и здоровья и против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Эти группы преступлений в исследуемый период суммарно дали количественный показатель 153 891 смертей и составили 94,76 % в общей структуре криминальной смертности в России. Все остальные виды преступлений оказались менее смертоносными — на их долю приходится лишь 5,24 % в общей структуре криминальной смертности. Поэтому мы более подробно остановимся на статистическом анализе криминальной смертности именно от этих двух групп преступлений.

Наиболее смертоносными преступлениями в Российской Федерации является группа преступлений против жизни и здоровья. В исследуемый нами период было зафиксировано и учтено российскими правоохранительными органами 100 774 криминальных смертей от этого вида преступлений, что составило 62,05 % от их общего количества. При этом было учтено 49 048 смертей от убийств, предусмотренных статьями 105, 106, 107 УК РФ и 29 822 смертей от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

В структуре насильственной криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья смертность от убийств составила 48,67 %, в то время как в структуре общей криминальной смертности этот показатель составил 30,20 %. Криминальная смертность от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в общей структуре криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья, составила 29,59 %, а в структуре общей криминальной смертности 18,36 %. Проведенный нами краткий структурный

[1] Естественная убыль населения // Росстат : [сайт]. URL: https://rosinfostat.ru/estestvennaya-ubyl-naseleniya/#i-2 (дата обращения: 20.01.2022).

анализ статистических данных о потерпевших от преступлений свидетельствует о том, что криминальное насилие, за которое уголовная ответственность предусмотрена главой УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья, является основным источником криминальной смертности в России.

Объективная оценка криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья невозможна без анализа статистических показателей в динамике. В динамике количественные показатели выглядят следующим образом: в 2015 г. было зарегистрировано и учтено 20 040 криминальных смертей от этого вида преступлений, в 2016 г. — 18 775, или на 6,3 % меньше, чем годом ранее, в 2017 г. — 16 854 или на 10,2 % меньше чем в предыдущем году, в 2018 г. — 15 941, или на 5,4 % ниже аналогичного показателя прошлого года, в 2019 г. — 1482, или на 7,0 % меньше прошлогоднего показателя, в 2020 г. — 14 343 — этот показатель стал меньше прошлогоднего на 3,2 %.

И так, мы видим, что произошло снижение криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья в исследуемый период — на 28,43 %. Общее снижение криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья было обусловлено снижением этого показателя от убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В динамике эти показатели выглядели так. В 2015 году количество учтенных криминальных смертей от убийств составило 10 285 единицы, а криминальных смертей от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью 6302. В 2016 г. эти показатели снизились до следующих значений: учтенных криминальных смертей от убийств до 9656 (–6,1 %), а криминальных смертей от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью до 5929 (–5,9 %). В 2017 г. данные показатели снизились ещё соответственно до 8400 криминальных смертей от убийств (–13,0 %) и 4791 от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью (–19,2 %). В 2018 г. криминальная смертность от убийств и причинения умышленного тяжкого вреда здоровью продолжала снижаться и достигла показателей 7318 (–12,9 %) и 4486 (–6,4 %). При этом снижение криминальной смертности от убийств происходило более заметными темпами, чем снижение криминальной смертности от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью. В 2019 г. темпы снижения криминальной смертности снизились и достигли показателей 6873 (–6,1 %) и 4231 (–5,7 %). В 2020 г. темпы снижения криминальной смертности от убийств и причинения умышленного тяжкого вреда здоровью замедлились до минимума в исследуемый период и составили 6516 (–5,2 %) и 4083(–3,5 %) соответственно. Анализ статистических данных в динамике показывает, что в исследуемый период просматривается устойчивая тенденция к снижению криминальной смертности от убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. По отношению к базовому 2015 году она снизилась соответственно на 46,38 % и 35,21 %.

Особое место в числе основных показателей, характеризующих криминальную смертность в России, следует отнести смертность от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. На это обстоятельство указывают современные специалисты в области социальной демографии [29; 30, с. 151–176; 31, с. 101–108; 32, с. 46–54]. В общей структуре криминальной смертности в исследуемый период эта смертность составила 53 117 человек, а ее удельный вес 32,71. Она заняла второе место по степени криминальных потерь населения, после группы преступлений против жизни и здоровья.

Динамика криминальной смертности в Российской Федерации от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в исследуемый период свидетельствует о снижении количественных показателей. В 2015 г. было зарегистрировано и учтено 10 986 криминальных смертей от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а в 2016 г. уже 9506, то есть на 13,5 % меньше, чем в предыдущем году. В 2017 г. криминальная смертность от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта снизилась ещё на 5,2 % и составила 9014 погибших. В 2018 г. снижение

этого показателя продолжилось. В этом году было учтено 8676 криминальных смертей, или на 3,7 % меньше, чем годом ранее. В 2019 г. криминальная смертность от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта составила 7819 человек и сократилась ещё на 9,9 %.

В 2020 г. тенденция снижения криминальной смертности от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта сохранилась и достигла абсолютного показателя в 7116 погибших, или на 9,0 % меньше аналогичного показателя прошлого года. Анализ статистических данных в динамике показал устойчивую тенденцию снижения криминальной смертности от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта на протяжении всего исследуемого периода. По отношению к базовому 2015 г., в 2020 г. этот показатель снизился на 35,23 %. Снижение данного показателя в исследуемый период произошло за счет уменьшения количества криминальных смертей, вызванных нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ).

Криминальная смертность от преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в общей структуре криминальной смертности от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в указанный период составляет 52 525 погибших, а удельный вес 98,9. В исследуемый период криминальных смертей от этого вида преступлений было зарегистрировано: в 2015 г. — 10 887, 2016 г. — 9401, 2017 г. — 8952, 2018 г. — 8609, 2019 г. — 7676, 2020 г. — 7000. Динамика криминальной смертности от преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, показывает снижение этого показателя в исследуемый период на 35,7 %.

Показатель криминальной смертности имеет свои разновидности, которые дополнительно подчеркивают его общественную опасность и социальную вредность — это криминальная смертность наименее защищенных или криминально уязвимых социальных групп, иногда именуемых «группами с повышенной криминальной виктимностью». К этой категории жертв преступлений относят различные социальные группы, в том числе женщин и детей. Степень их защищенности от криминальных угроз может являться одним из показателей цивилизованности российского государства и общества. Поэтому для оценки «цены преступности» в числе важнейших показателей должны отражаться «детская криминальная смертность» и «женская криминальная смертность», на которые мы обращали свое внимание в предыдущих своих исследованиях [33, с. 76–80; 34, с. 13–26].

В общей структуре физических лиц, погибших от преступлений в исследуемый период, на данную категорию приходилось 65 191 учтенных жертв, или 40,14 % от их общего количества. При этом среди этой категории жертв были учтено 15 180 человек, или 9,35 %, не доживших до своего совершеннолетия, и 50 011, или 30,79 %, женщин различных возрастов, погибших от преступлений.

В динамике эти показатели выглядели по-разному. Количественные показатели детской криминальной смертности в Российской Федерации имели разнонаправленные колебания. В 2015 г. было зарегистрировано 2792 детских смертей от преступлений, в 2016 г. — 2443, или на 12,5 % меньше, чем в предыдущем году. Эта позитивная тенденция не нашла своего продолжения в 2017 и 2018 гг. В 2017 г. детская криминальная смертность составила 2612, больше на 6,9 %, чем годом ранее, а в 2018 г. уже 2750, или больше на 5,3 %, чем в предыдущем году и на 11,2 % больше, чем в 2016 г. В течение двух последующих годов тенденция стала более благоприятной, произошло снижение детской криминальной смертности в абсолютных показателях. В 2019 г. было поставлено на учет 2329 детских криминальных смертей, или на 15,3 % меньше, чем в предыдущем году, а в 2020 году — 2254, или на 3,2 % меньше, чем годом ранее и на 18,04 % меньше, чем в 2018 г. Учитывая разнонаправленность данного показателя для отражения его тенденций можно применить метод укрупнения

интервалов. В такие интервалы можно объединить показатели детской криминальной смертности с 2015 по 2017 гг. и с 2018 по 2020 гг. В результате такого объединения оказалось, что среднее значение детской криминальной смертности в первом периоде составило 7847 погибших, а во втором — 7333, или на 514 (6,55 %) меньше, что в динамике показывает тенденцию снижения детской криминальной смертности в исследуемый период.

В общей структуре лиц несовершеннолетнего возраста, пострадавших от преступлений, уровень детской криминальной смертности в 2015 г. составил 2,72 %, в 2016 г. — 3,10 %, в 2017 г. — 2,48 %, в 2018 г. — 2,58 %, в 2019 г. — 2,17 %, в 2020 г. — 2,38 %. Колебания этого показателя незначительны. Доля детской криминальной смертности среди лиц несовершеннолетнего возраста, потерпевших от преступлений, не велика.

Проведенное статистическое исследование показывает, что, несмотря на разнонаправленные количественные и качественные показатели детской криминальной смертности, в России отмечается тенденция к снижению этого показателя.

Количественные показатели женской криминальной смертности в Российской Федерации в исследуемый период выглядят следующим образом: в 2015 г. учтено 9802 криминальных смертей женщин, в 2016 г. — 9149, в 2017 г. — 8502, в 2018 г. — 8274, в 2019 г. — 7504, в 2020 г. — 6780. Здесь следует отметить позитивную тенденцию ежегодного снижения женской криминальной смертности. В 2016 году по сравнению с предыдущим годом криминальная смертность этой категории потерпевших снизилась на 6,7 %, в 2017 г. на 7,1 %, в 2018 г. на 2,7 %, в 2019 на 9,3 %, в 2020 на 9,6 %. Динамика изменений женской криминальной смертности в исследуемый период в России свидетельствует о том, она последовательно снижалась, а 2020 г. она, по сравнению с 2015 г., снизилась на 30,83 %.

В общей структуре женщин, пострадавших от преступлений, удельный вес женской криминальной смертности составил: в 2015 г. — 1,22, в 2016 г. — 1,25, в 2017 г. — 1,31, в 2018 г. — 1,35, в 2019 г. — 1,17, в 2020 г. — 1,01. Этот показатель женской криминальной смертности остается стабильно невысоким, а последние два года имеет тенденцию к уменьшению.

Анализ количественных и качественных показателей женской криминальной смертности в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период имеется устойчивая тенденция к снижению женской смертности от преступных посягательств, невзирая на неблагоприятные условия: рост в 2019 и 2020 гг. общего количества учтенных женщин-жертв преступлений, вызванных ростом преступности и виктимности, а также общей смертности в 2020 г.

Выводы по результатам проведенного исследования

Проведенное нами статистическое исследование криминальной смертности в Российской Федерации в 2015–2020 гг., на основе ведомственной виктимологической статистики МВД России и общей статистики Росстата, позволяет сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, в период с 2015 по 2020 гг. изменения в состоянии преступности и виктимности населения Российской Федерации, в том числе рост преступности и виктимности в 2019–2020 гг., а также всплеск общей смертности в 2020 г. не повлияли существенным образом на состояние криминальной смертности потерпевших от преступлений. Криминальная смертность снизилась на 29,6 %. Это свидетельствует о смягчении характера негативных последствий преступности, а также о снижении её «цены» для государства и общества.

Во-вторых, в структуре криминальной смертности в Российской Федерации отчетливо просматриваются две группы преступлений, совершение которых существенно влияют на этот показатель — это преступления против жизни и здоровья и преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Криминальная смертность от этих групп преступлений имеет тенденцию к сокращению, при этом темпы снижения разные. Если для преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта снижение

произошло на 35,23 %, то преступлениям против жизни и здоровья лишь на 29,6 %.

В-третьих, тенденция снижения криминальной смертности в Российской Федерации в исследуемый период отразилась на показателях женской и детской криминальной смертности. При этом женская криминальная смертность снизилась на 30,83 %, а детская на 6,55 %.

В-четвертых, выявленные нами тенденции криминальной смертности лишь дают её общую характеристику, а для объяснения причин таких изменений необходимо дальнейшее исследование этого феномена с использованием не только официальной статистической информации, но и других источников и методов познания.

Список источников

1. Конев А. А. Преступность и проблемы измерения её реального состояния : дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1993. 449 с.

2. Конев А. А. Преступность в России и ее реальное состояние : монография. Н. Новгород: Гос. фирма «Сэтрик», 1993. 324 с.

3. Сердюк П. Измерение преступности в относительных величинах // Право и жизнь. 2012. № 168. С. 178–195.

4. Скифский И. С. Криминологическое измерение реальных масштабов насильственной преступности // Российский следователь. 2010. № 20. С. 33–35.

5. Тимошенко Ю. А. Криминологическое измерение экологической преступности // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 4 (17). С. 170–181.

6. Гирько С. И. Проблемы регистрации и учета пенитенциарных преступлений в Российской Федерации // Современный юрист. 2021. № 3 (36). С. 67–79.

7. Leon D., Chenet L., Shkolnikov V. M., Zakharov S., Shapiro J., Rakhmanova G., et al. Huge variation in Russian mortality rates 1984–1994: artefact, alcohol, or what? // Lancet 1997. No. 350. P. 383–388.

8. Bobadilla J.L., Costello C.A., Mitchell F., Shkolnikov V.M., Nemtsov A. The anti-alcohol campaign and variations in Russian mortality. In: Bobadilla JL, Costello CA, Mitchell F, eds. Premature death in the New Independent States. Washington: National Academy Press, 1997. Pp. 239–261.

9. Walberg P., McKee M., Shkolnikov V., Chenet L., Leon D.A. Economic change, crime, and mortality crisis in Russia: regional analysis BMJ 1998. Pp. 312–317. DOI: 10.1136/bmj.317.7154.312

10. Robins L.N., O'Neal P. Mortality, Mobility, and Crime: Problem Children Thirty Years Later // American Sociological Review. 1958. Vol. 23. No. 2. P. 162–171. DOI: 10.2307/2089000

11. Михайличенко А. А. Криминальная смертность в России и проблемы обеспечения криминологической безопасности // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сборник материалов международной научно-практической конференции, 17–18 мая 2007 г. Хабаровск, 2007. С. 53–59.

12. Ким Е. П., Михайличенко А. А. Состояние и структура криминальной смертности в России и некоторые проблемы её предупреждения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 3-4. С. 15–22.

13. Лебедев А. С. Криминальная смертность в России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3. С. 62–63.

14. Стешич Е. С. Факторы, влияющие на оценку уровня криминальной смертности // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 15 сентября 2017 года). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. С. 26–30.

15. Стешич Е. С. Методика исследования криминальной смертности в условиях пандемии // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 123–128.

16. Семенова В. Г., Антонова О. И. Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения. 2007. № 2 (2). С. 2.

17. Семенова В. Г., Дубровина Е. В., Гаврилова Н. С. и др. Оценки реальных уровней насильственной смертности в России // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2005. № 3. С. 14–23.

18. Вайсман Д. А., Дубровина Е. В., Редько А. Н. Информационное обеспечение исследований по проблемам смертности в России //Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2006. № 6. С. 31–38.

19. Дубровина Е. В. Медико-социальная трансформация травматической смертности в период экономических реформ (на примере Кировской области) : дис. … канд. мед. наук. М., 2005. 219 с.

20. Кучмаева О. В., Пеньковская Т. С. Статистический анализ смертности в Республике Саха (Якутия) // Экономические науки. 2006. № 22. С. 128–134.

21. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 48–53.

22. Hairutdinova L., Kabanov P. Children's Criminal Mortality in Modern Russia: Victim Measurement // SSRN Electronic Journal. 2015. DOI: https://ssrn.com/abstract=2623450 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2623450

23. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в Республике Татарстан: анализ статистических показателей 2009–2013 гг. // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 1. С. 108–126. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.1.14137

24. Аблиязова Е. Б. Уголовная статистика как источник информации о профилактике преступлений, совершаемых в отношении мигрантов // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6 (174). С. 113–116.

25. Афанасьев П. Б. Виктимологический анализ состояния преступности // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 30–33.

26. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2020. 66 с.

27. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2021. 66 с.

28. Лунеев В. В. Юридическая статистика : учебник. — 2–е изд., перераб. и доп., с изм. М., 2007. 392 с.

29. Аксенова Е. И., Иванова А. Е., Семенова В. Г., Евдокушкина Г. Н., Кочкина Е. В., Зайко Е. С. Смертность от ДТП в Москве. Москва: Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2019. 14 с.

30. Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А., Баканов К. С., Юрасова Е. Д. Смертность от дорожно-транспортных происшествий в Москве: анализ связанных данных полиции и государственного статистического учета умерших // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 151–176.

31. Семенова В. Г., Боровков В. Н., Хрупалов А. А., Сорокин Г. В., Боровков Н. В. Дорожно-транспортный травматизм как комплексная медико-социальная проблема потерь здоровья населения России // Травматология и ортопедия России. 2011. № 3. С. 101–108.

32. Kudryavtsev A. V., Kleshchinov N., Ermolina M., Lund J., Grjibovski A. M., Nilssen O., Ytterstad B. Road traffic fatalities in Arkhangelsk, Russia in 2005–2010: reliability of police and healthcare data // Accident Analysis and Prevention. 2013. № 53. С. 46–54.

33. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение детской криминальной смертности в России: анализ статистических показателей 2009–2015 гг. // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9. С. 76–80.

34. Кабанов П. А. Женская криминальная смертность в современной России: виктимологическое измерение статистических показателей 2009–2014 гг. // Юридические исследования. 2015. № 10. С. 13–23. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.10.1625

References

1. Konev AA. *Crime and the Problems of Measuring its Real State*. [dissertation]. Moscow, 1993. (In Russ.)

2. Konev AA. *Crime in Russia and its real state*: monograph. N. Novgorod: Gos. firm "Satrick", 1993. (In Russ.)

3. Serdyuk P. Measuring Crime in Relative Values. *Pravo i zhizn'* [Law and Life]. 2012. № 168. C. 178-195. (In Russ.)

4. Skifsky IS. Criminological measurement of the real scale of violent crime. *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator]. 2010;(20):33–35. (In Russ.)

5. Timoshenko YuA. Criminological dimension of environmental crime. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies]. 2018;5(4) (17):170–181. (In Russ.)

6. Girko SI. Problems of registration and accounting of penitentiary crimes in the Russian Federation. *Sovremennyj yurist* [Modern Lawyer]. 2021;(3):67–79. (In Russ.)

7. Leon D, Chenet L, Shkolnikov VM, Zakharov S, Shapiro J, Rakhmanova G, et al. Huge variation in Russian mortality rates 1984–1994: artefact, alcohol, or what? *Lancet.* 1997;350:383–388.

8. Bobadilla JL, Costello CA, Mitchell F, Shkolnikov VM, Nemtsov A. The anti-alcohol campaign and variations in Russian mortality. In: Bobadilla JL, Costello CA, Mitchell F, eds. *Premature death in the New Independent States*. Washington: National Academy Press, 1997:239–261.

9. Walberg P, McKee M, Shkolnikov V, Chenet L, Leon D A. *Economic change, crime, and mortality crisis in Russia: regional analysis BMJ*. 1998;312–317. DOI: 10.1136/bmj.317.7154.312

10. Robins LN, O'Neal P. Mortality, Mobility, and Crime: Problem Children Thirty Years Later. *American Sociological Review*. 1958;23(2):162–171. DOI: 10.2307/2089000.

11. Mikhajlichenko AA. Criminal mortality in Russia and the problems of providing criminological safety. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki bor'by s prestupnost'yu v Aziatsko-Tihookeanskom regione* [Actual problems of the theory and practice of struggle against crime in the Asian-Pacific region]. Proceedings of the International scientific conference, 2007 May 17–18. Khabarovsk, 2007:53–59. (In Russ.)

12. Kim EP, Mikhailichenko AA. State and structure of criminal mortality in Russia and some problems of its prevention. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2007;(3–4):15–22. (In Russ.)

13. Lebedev AS. Criminal mortality in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2008;(3):62–63. (In Russ.)

14. Steshich ES. Factors influencing the assessment of the level of criminal mortality. *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti* [Criminal policy and culture of counteraction to crime]: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (2017 September 15). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017:26–30. (In Russ.)

15. Steshich ES. Methodology for the study of criminal mortality in pandemic conditions. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2020;(4):123-128. (In Russ.)

16. Semenova VG, Antonova OI. Reliability of mortality statistics (by the example of mortality from injuries and poisonings in Moscow). *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of public health]. 2007;(2):2. (In Russ.)

17. Semenova VG, Dubrovina EV, Gavrilova NS et al. Estimates of Real Levels of Violent Deaths in Russia. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanij* [Public Health and Disease Prevention]. 2005;(3):14–23. (In Russ.)

18. Vaisman DA, Dubrovina EV, Redko AN. Information support for research on mortality in Russia. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanij* [Public health and disease prevention]. 2006;(6):31–38.

19. Dubrovina EV. *Medico-social transformation of traumatic mortality in the period of economic reforms (at the example of the Kirov region).* [dissertation]. Moscow, 2005. (In Russ.)

20. Kuchmaeva OV, Penkovskaya TS. Statistical Analysis of Death Rate in the Republic of Sakha (Yakutia). *Ekonomicheskie nauki* [Economics]. 2006;(22):128–134. (In Russ.)

21. Kabanov PA. Victimological measurement of criminal mortality in modern Russia. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow]. 2015;(1):48–53. (In Russ.)

22. Hairutdinova L, Kabanov P. Children's Criminal Mortality in Modern Russia: Victim Measurement. *SSRN Electronic Journal*. 2015. DOI: https://ssrn.com/abstract=2623450 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2623450

23. Kabanov PA. Victimological Measurement of Criminal Mortality in the Republic of Tatarstan: Analysis of Statistical Indicators 2009–2013. *Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activities]. 2015;(1):108–126. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.1.14137. (In Russ.)

24. Ablyazova EB. Criminal statistics as a source of information on the prevention of crimes committed against migrants. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice]. 2019;(6):113–116. (In Russ.)

25. Afanasyev PB. Victimological analysis of the state of crime. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami* [Actual issues of combating crime]. 2017;(3):30–33. (In Russ.)

26. *State of Crime in Russia for January-December*. 2019. Moscow, 2020. (In Russ.)

27. *State of Crime in Russia for January-December*. 2020. Moscow, 2021. (In Russ.)

28. Luneev VV. *Legal statistics*: textbook.—2nd ed., revised and supplemented, with modifications. Moscow, 2007. (In Russ.)

29. Aksenova EI, Ivanova AE, Semenova VG, Evdokushkina GN, Kochkina EV, Zaiko ES. *Mortality from traffic accidents in Moscow*. Moscow: Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Department of Health of the City of Moscow, 2019. (In Russ.)

30. Pyankova AI, Fattakhov TA, Bakanov KS, Yurasova ED. Death rate from traffic accidents in Moscow: analysis of related data from the police and state statistical records of the dead. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. 2019;6(1):151–176. (In Russ.)

31. Semenova VG, Borovkov VN, Khrupalov AA, Sorokin GV, Borovkov NV. Road traffic injuries as a complex medico-social problem of health losses in Russia. *Travmatologiya i ortopediya Rossii* [Traumatology and Orthopedics of Russia]. 2011;(3):101–108. (In Russ.)

32. Kudryavtsev AV, Kleshchinov N, Ermolina M, Lund J, Grjibovski AM, Nilssen O, Ytterstad B. Road traffic fatalities in Arkhangelsk, Russia in 2005-2010: reliability of police and healthcare data. *Accident Analysis and Prevention*. 2013;(53):46–54.

33. Kabanov PA. Victimological measurement of child criminal mortality in Russia: analysis of statistical indicators 2009–2015. *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of Law]. 2016;(9):76–80. (In Russ.)

34. Kabanov PA. Women's criminal mortality in modern Russia: victimological measurement of statistical indicators 2009–2014. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Studies]. 2015;(10):13–23. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.10.1625 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабанов Павел Александрович доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.
kabanovp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Kabanov Doctor of Law Science, Associate Professor, Professor of Criminal Law and the University of Kazan innovation process them. V.G. Timiryasova.

42 Moskovskaya st., Kazan 420111, Russia.
kabanovp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Дата поступления статьи / Received: 05.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.